

«Соблазн» обобщающего значения

Лексемы, семантика которых диффузна и при описании значения которых встает вопрос о некоем объединяющем, расширительном значении, хорошо известны каждому лексикографу. Однако такие случаи очень неоднородны по составу, в связи с чем нет и терминологического определения этого значения.

Пути лексикографической интерпретации лексем с единым значением возможны различные в зависимости от описываемого материала, типа словаря, теоретических установок составителей.

Традиционно в словарях равноправные контекстные реализации единого значения описываются как набор отдельных значений, детализируемых оттенками. В диалектных словарях семантическая схема зачастую более дробна, причем в качестве равноправных могут выступать общее и конкретное значения (см. напр., в «Словаре русских народных говоров»: *Гороховик. 1. Хлеб из гороховой муки... 2. Пирог с начинкой из гороха... 3. Кушанье из гороха...*), но такая подача материала правомерна в связи с дифференциальностью жанра и функционированием слова в различных значениях на разных территориях. Этимологические словари (в первую очередь «Этимологический словарь славянских языков под ред. О.Н. Трубачева), напротив, избегают членения значений, вводя в толкование общего значения много синонимов и синонимических выражений, но этот путь, необходимый при семантических реконструкциях, едва ли оправдан при описании данных письменных языков. Реальные семантические отношения хорошо показаны в «Словаре русского языка XI-XIV вв.», где частным значениям, которые интерпретированы как оттенки, предпосылается формулировка объединяющего их значения (под номером, но без цитат на него). Интересные лексикографические приемы описания единого значения были предложены составителями «Словаря русского языка XVIII в.», выделяющими за «тире Срезневского», с одной стороны, номинативно-производные значения – равноправные значения, объединенные общим принципом номинации, а с другой стороны, аспекты – контекстные применения комплексных, нерасчлененных значений, с предпосылкой аспектам широкого значения формулировки этого обобщающего значения.

В настоящей статье материал интерпретирован с позиций «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.» (СОРЯ) - исторического словаря синхронного среза, в котором толкование семантики слов исходит из особенностей их функционирования в обиходном языке.

Первый и классический случай обобщающего значения – семантика лексем, использующихся с широким, охватывающим значением и частными предметными реализациями. Напр., слово *багор* известно в обиходном языке как с общим значением 'шест с железным острием и крюком', так и с

Семантически-производными: 'орудие для отталкивания и причаливания судов' (*Лодочному мастеру Ганкѣ в прошлом 89-м году на багры дал 6 алтынѣ (Сл. промысл., 1, 27, 1581 г.)*) и 'инструмент для тушения пожаров' (*А какъ бываетъ на Москвѣ пожарное время, и они стрѣльцы повинни ходить всѣ на пожаръ ... с топорами, и с ведрами ... и зъ баграми, которыми ломають избы (Котошихин, 75, 1667 г.)*). Этот тип семантических отношений и один из вариантов его лексикографической интерпретации (где частные реализации поданы через —) описан в инструкции к «Словарю русского языка XVIII в.» на примере слова *кольцо* [7: 27]. Чаще всего такая семантика имеет место при функционировании существительных конкретного значения. Подобные лексемы зафиксированы всеми историческими словарями и в силу соответствующей тематики источников составляют значительную часть словника СОРЯ.

Ту же языковую природу обобщающего значения имеет семантика некоторых глаголов. Как правило, это отдельные значения полисемантических глаголов, расщепляемые на более дробные. Так, для глагола *бить* как одно из значений восстанавливается 'изготавливать, обрабатывать ударами, давлением'. Эта достаточно общая формулировка (цитат на обобщающее значение нет) обусловлена тем, что она служит объединяющей для целого ряда конкретных реализаций, оформленных в виде оттенков: 'пушить шерсть, ударяя струной, палкой' (*бить шуба*), 'ударами расплющивать в листы' (*бить медь, битая медь, битое золото*), 'подвергать ковке' (*железо битое*), 'размешивать, взбивать до однородной массы' (*бить воск, битое масло, битый горох*).

Основная проблема при описании семантики такого рода лексем — правомерность реконструкции. Этот вопрос не встает при наличии цитат, подтверждающих функционирование слова непосредственно с такой диффузной семантикой, однако при отсутствии материала правомерность приписывания лексеме такой общей семантики вызывает определенные сомнения. Напр., слово *брус* известно в обиходном языке со значениями: 'бревно, опиленное и отесанное на четыре грани' (*И надобет на подѣлку... на лѣсницу на 2 бруса бревна трехсаженных по 2 гривны брусъ (Ст. печ. пр., 8, 1613 г.)*), 'точильный камень (обычно в форме четырехгранника)' (*Куплена брус топры точит да корец да лопата (Южн. тамож. кн., 8, 142 г.)*), 'продолговатый четырехгранный кусок чего-л.' (*Послано в монастырь ... четыреста брусом желѣза да сто прутом желѣза (Сл. промысл., 1, 58, XVII в.)*), 'верхняя каменная часть оружия (булава), отесанная гранями' (*Брусъ аспидень, топорицо поволочено газомъ чорнымъ (Савваитов, 30, 1589 г.)*). Следует ли предпосылать этой полноценной семантической схеме абстрактное обобщающее значение 'то, что имеет форму четырехгранника'? Восстановление в таких случаях обобщающего значения (при отсутствии цитат на такое значение) и предпосылка его частным реализациям кажутся правомерными, так как это отражает реальную семантическую картину и

¹ Сокращенные обозначения названий памятников используются в соответствии со списком условных сокращений к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.», вып. 1, СПб, 2004.

является последовательным с учетом аналогичного употребления лексем непосредственно с общим значением.

Отдельно хотелось бы оговорить так называемое обобщающее значение относительных прилагательных. Относительные прилагательные, надо сказать, часто незаслуженно скупо описываются в словарях, и семантика отношения подается как единственная или во всяком случае как основная: «значение изолированного относительного прилагательного сводится в типовом случае к выражению «отношения к ...», причем диапазон отношений одного предмета к другому, выражаемых посредством относительных прилагательных ... в сочетаниях с разными определяемыми, с трудом поддается какой-либо инвентаризации» [5: 254].

Ярким примером могут служить прилагательные, производные от географических названий, которые в силу многочисленности и предполагаемой семантической неинформативности, как правило, даже не попадают в словари. При этом роль таких прилагательных в истории языка велика: они выступают как основной способ указания связи человека с определенной местностью, с ними образуется целый ряд устойчивых сочетаний (обозначения стран, местностей, номенклатурные обозначения реалий, названия мер, денежных единиц), они широко используются в составе титулов, на их базе активно образуются русские фамилии. В СОРЯ решено включать прилагательные, образованные от топонимов, и представляется, что можно выделить набор типовых значений, свойственных таким прилагательным: 'проживающий и служащий в ... (соответствующем населенном пункте)', 'находящийся на территории соответствующего населенного пункта (или его уезда)', 'производимый в ...', 'привезенный из ...', 'направляющийся (доставляемый) в ...', 'прибывший (привезенный) из...', 'свойственный какому-л. месту, региону'. Используются такие прилагательные, естественно, и с относительной семантикой, определяемой как 'прил. к...' (соответствующее географическое название, которое по логике тоже должно быть включено в исторический словарь в виде отдельного списка-приложения).

В ряде словарей оттопонимические прилагательные, если и попадают в корпус словаря, то описываются через общую, относительную семантику. Однако отсылочное толкование едва ли оправдано, и непригодность таких обобщенных, типовых определений отмечали многие исследователи. Представляется, что относительная семантика не является обобщающей для других значений, значения выступают как равноправные. Не чисто относительные значения — это не спецификации отношения, они содержат дополнительные приращения смысла. Таким образом, в данном случае вопрос об обобщающем значении решается не в пользу последнего.

Вторая группа лексем, при описании которых говорим об обобщающем (в данном случае широком) значении — это лексемы, обладающие контекстуальной семантикой. Слов с комплексно-нерасчлененным значением, как ни странно, достаточно мало в обиходном языке. Зато часто лексемы обиходного языка выступают с контекстуально широкой семантикой. Корректен именно термин контекстуальности, потому что речь идет о текстах,

~~структурных~~ исключительно в письменной форме, но фактически такие значения выступают как ситуативные, характерные для разговорной речи. Напр., *А к Москве яз приездил скорим делом для антимису (Гр. 72, XVII-н. XVIII вв.)* - при том, что слово *антимис* означает 'плат с изображением положения во гроб Иисуса Христа, который при совершении святой Евхаристии подстилала под чашу и дарохранильницу', в данном случае толкование без контекста невозможно, а подчас и с контекстом затруднительно. *Антимис* здесь имя ситуации.

Есть даже типичные, закрепляющиеся сочетания. Так, в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» для лексемы *огонь* выделяется оттенок значения 'о пожаре, поджоге'. В памятниках обиходного языка лексема *огонь* часто употребляется как имя ситуации и распространенное сочетание *для огню* означает 'чтобы охранять от пожаров, следить, чтобы не разжигали огонь': *Велѣл ты гсдрѣ мнѣ холопу своему vybrати дву сынов боярских добрых ѣздити по острогу для огню (Пам. ю.-в.-р. нар., 59, 1594 г.), Послал яз холоп твои тѣх дети боярских для огню штобѣ изб не топили (Пам. ю.-в.-р. нар., 60, 1594 г.)*.

Контекстуально широкая семантика вполне возможна и у конкретных существительных: *Трава сказала пьют от зубов (МДБП, 271, 1643 г.), И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит* (челобитная воронежца Демки Афанасьева сына Невзорова на конского сторожа Якова Павлова сына Бирюка о возмещении за утерю лошадей) (*Южн. челоб., 107, 1644 г.*), и у лексем других частей речи: напр., типичное для разговорной речи использование лексемы *простой* в качестве немаркированного члена оппозиции: *Тогда жь какъ погребаютъ царя всякого чину людемъ даютъ восковыя свѣщи витые и простыя для провозждения (Котошихин, 17, 1667 г.)*.

В целом, наличие слов широкой семантики такого рода - интересное подтверждение близости памятников обиходного языка XVI-XVII вв. и современной разговорной речи, и именно эта обиходность - причина расплывчатости, обобщенности значений слов. Такие явления должны быть обязательно выделены в корпусе словарной статьи и лексикографически описаны как употребления, толкование дается при необходимости и возможности. Как подчеркивает Ю.С. Сорокин, такое более детальное выделение различных речевых употреблений, констатирующих осмысления облегчает задачу составления словаря, демонстрируя сдвиги в семантике слова, являющиеся зародышами новых структур или следами старых [8: 27].

Совсем другого рода обобщающее значение лексем с абстрактной семантикой. Здесь в основе сложность или нелинейность семантической структуры многозначных лексем, в некоторых случаях в основе широкогозначности исходно синкретичное сложное значение и еще не сформировавшаяся полисемия.

Так, для ряда лексем абстрактного значения с развитой семантической структурой возможно восстановление некоего общего значения, семантической доминанты, концепта. С одной стороны, такое доминирующее обобщающее значение помогает воспринимать и организовывать материал. Например, для

уже упоминавшегося слова *простой* в качестве общего концептуального значения может быть восстановлена семантика 'открытый, свободный, лишенный какого-л. признака', откуда и значения 'несложный' (свободный от усложненности), 'скромный' (свободный от гордыни), 'неученый, невежественный' (свободный от знаний), 'недалекий' (лишенный ума), 'обычный' (лишенный чего-л. странного), устаревшие для языка XV-XVII вв. значения 'незнатный' (лишенный благородного происхождения), 'мирской' (свободный от служения Богу) и т. д. С другой стороны, восстановление обобщающего значения здесь – несомненная реконструкция, интересная в исследовательской статье и оправданная скорее в этимологическом словаре. А.Я. Шайкевич пишет о необходимости конкретного анализа контекстных употреблений в таких случаях, чтобы избежать преувеличения этимологического фактора, когда «отдельные значения одного лексикографического слова представляются тесно связанными или цепью связей с исходным значением, или общей всеобъемлющей семантикой слова» [9: 160].

Возможный путь – укрупнение первоначальных единиц описания значения до смысловых блоков, которым может быть предписано обобщающее значение (по такому пути пошли, собственно, составители «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.»). Напр., для многозначного прилагательного *большой* «Словарь русского языка XI-XVII вв.» восстанавливает ряд значений. Авторы «Словаря русского языка XVIII в.» уходят от излишней дробности, предлагая для *большой* всего 4 значения и формулируя каждое значение достаточно обще, с обилием синонимов в толковании. В СОРЯ мы также попытались объединить различные значения этого прилагательного в смысловые блоки, обозначив их римскими цифрами: *Большой... I. Значительный, выдающийся 1) по размеру, величине... 2) по количеству... 3) по силе, интенсивности... II. I. Главный, основной... 2. Занимающий высокое служебное положение... 3. Занимающий высокое общественное положение в силу знатности или богатства, именитый... III. Старший по возрасту, годам.* При возможности вычленения общего значения таких блоков это единое значение предпосылается разветвленной структуре.

В ряде случаев в основе обобщающей семантики – исходно синкретичное сложное значение и еще не сформировавшаяся полисемия. Таких примеров немало в памятниках обиходного языка, и интересно, как тексты фиксируют живые процессы, происходящие в языке: см. напр., семантику лексем *больно* (процесс дифференциации значений 'болезненно, причиняя (или испытывая) боль' и 'сильно, в значительной степени'), *встреча* (отделение значения 'подготовленный прием у места прибытия' и метонимической семантики 'люди, посланные встречать кого-л.'), *великий* (взаимопроникновение значений 'превышающий обычные представления, исключительный, особенный' и 'выдающийся по значимости, существенный, важный') и т. д. Возникающие в ряде контекстов диффузные, обобщающие значения обусловлены трудно расчленимой семантикой, и лексикографическая трактовка таких слов – это некоторая условность, будущее, а не настоящее слова.

В.В. Колесов пишет, что функциональное предназначение многозначности и заключается в постепенном выявлении всех значений, скрытых в исходной синкрете [2: 18]. Другие исследователи, например, Л.Л. Кутина, подчеркивают, что направление эволюции таких структур всегда одно – разрушение широкого значения, выпадение из словаря одних частных значений и превращение других в самостоятельные семантические единицы [3: 35].

Материал неоднозначен. В обиходном русском языке XVI-XVII вв. встречаются не только лексемы с еще недостаточно отделившимися значениями, но и слова, где представлено сворачивание полисемии и выход на первый план синкреты. Такова, напр., семантика лексем *бедный*, *беда*, *бедность*. В контексте *А мы, бѣдные людиска, бѣдны и безхлѣбные, и безоленные* (ДАИ, V, 172, 1667 г.) во втором употреблении имеется в виду материальная бедность, и она пояснена, а в первом (*а мы бѣдные людиска*) семантика синкретична: и материальная бедность, и положение, вызывающее жалость; и просьба о помощи. Синкретичное значение закрепляется и в типичной для челобитных формуле *бедный и беззащитный и беззащитный*, причем при варьировании компонентов инициально именно *бедный* как наиболее обобщающее слово за счет широкой семантики. Такая семантика должна быть обязательно описана в корпусе словарной статьи в качестве отдельного значения.

Наконец, говоря об обобщающем значении, следует сказать о широкозначности в терминологическом понимании этого слова. Понятие широкозначности или эврисемии было введено Н. Амосовой и обосновано в 1957 г. в статье «К вопросу о лексическом значении слова» [1]. Традиционно под широкозначностью понимают лексико-семантическую категорию, предполагающую такую разновидность лексической семантики, в которой представлена особо высокая степень обобщения, но обусловленная не десемантизацией, а широким понятийным содержанием слова [4: 86]. Некоторые исследователи настаивают на том, что широкозначность обязательно связана с синтаксической моделью и имеет место прежде всего в языках аналитического строя [6: 81-85].

В памятниках русского языка встречаем ряд лексем, используемых с предельно широким, обобщающим значением. Это такие лексемы, как *дело*, *время*, *место*, *обычай*.

Так, общее значение слова *обычай* реализуется прежде всего в многочисленных сочетаниях с прилагательными в творительном падеже, характеризующими образ действия, где семантика *обычай* 'образ' также как бы растворяется в значении прилагательного: *Вшед в город тайным обычаем* (Р-Д II-2, 17, 1670 г.), *И царь ихъ уговариваль тихимъ обычаемъ* (Котошихин, 84, 1667 г.), *и пьянь или трезвымъ обычаемъ говорить* (Сид, 42, 1627 г.) (неслучайно в последнем примере словосочетанию со словом *обычай* противопоставлено прилагательное, антонимичное определению, т. е. подобные словосочетания функционируют как единое семантическое целое). Часты также сочетания с местоименными прилагательными: *коим*, *которым*, *тѣм*, *никоторым*, *никаким* *обычаем*. Характерно, что со словом *дело* возникают

аналогичные конструкции: *А Ивашко де ему Кирилу сказывал ж что Кондратев знакомец застрелил ево с лошади ненарошнымъ ж деломъ (МДБП, 228, 1670 г.)*. С таким значением слово *обычай* выступает и в конструкциях с предлогом *по* в дательном падеже (наиболее частотно здесь устойчивое сочетание *по прежнему обычаю* 'в старые времена': *А в предбудущие годы по прежнему обычаю розмену чинить на Валуйке (РД II-2, 140, 1670 г.)*).

Представление таких явлений в словарях – современных и исторических – очень различно. Как правило, это слова, обладающие разветвленной семантической схемой; синтаксически обусловленные значения описываются и как отдельные значения, и как устойчивые словосочетания, и как ослабленное лексическое значение, и как случаи грамматической транспозиции, также иногда выделяемые в отдельные значения. Лексикографическая трактовка в данном случае во многом зависит от теоретических принципов авторов.

Таким образом, попытка систематизировать случаи обобщающего значения и выяснить их природу привела к выводу о необходимости индивидуального рассмотрения каждого такого употребления. Имеют место 1) общее значение и частные предметные реализации; 2) контекстуальное широкое значение и конситуативные реализации относительно нейтрального узусуального значения; 3) контексты неразошедшей или свернутой полисемии; 4) обобщенная, предельно широкая семантика некоторых лексем, как правило, в связанных сочетаниях. Представление в словаре частных предметных реализаций общего значения правомерно в виде оттенков, контекстуальных значений и конситуативных реализаций – в виде употреблений с толкованием по возможности, обобщающая семантика многозначных лексем абстрактного значения описывается с помощью смысловых блоков, включающих различные значения, наконец, синкретичная семантика и обобщенное значение широкозначных лексем не могут быть низведены до вариации оттенка, это самостоятельные номинации. Таким образом, приемы лексикографического описания вырабатываются соответственно языковой природе каждого явления.

Литература

1. Амосова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник Ленингр. ун-та. 1957. № 2.
2. Колесов В.В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. История, литература, языкознание. 1992. № 3.
3. Кутина Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1977.
4. Лебедева Л.Б. Функциональные особенности существительных широкой семантики // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях / В.Н. Ярцева и др. Кишинев, 1982.
5. Павлов В.М. К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания

- филологического факультета СПбГУ / Гл. ред. Л.А. Вербицкая. СПб, 2004.
6. Плоткин В.Я., Гроссул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях / В.Н. Ярцева и др. Кишинев, 1982.
  7. Словарь русского языка XVIII в. Правила пользования словарем. Указатель источников. Сост. Кутина Л.Л., Березина О.Е., Сорокин Ю.С. Л., 1984.
  8. Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1977.
  9. Шайкевич А.Я. Оковы слова (или поиски дискретности в семантике) // Словарь. Грамматика. Текст.[Сб. ст.] / Отв. ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. М., 1996.